

Зверева Ольга Юрьевна
старший преподаватель кафедры философии,
искусствознания и журналистики,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия
e-mail: zvreveaou@bgu.ru

ПОСТУПОК В СИСТЕМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу ранней работы М.М. Бахтина «К философии поступка». Для исследования важным является следующее: вывод М.М. Бахтина о разделении мира культуры и мира жизни и идея обретения целостности двух миров посредством этических систем. Видя потенцию преодоления разрыва мира жизни и культуры изнутри поступка, М.М. Бахтин вводит два основания: ответственность и «не-алиби-в-бытии». Реконструкция категории поступка через онтологические концепты позволяет открыть новые перспективы научных исследований.

Ключевые слова: Бахтин, поступок, «не-алиби-в-бытии», ответственность, культура, жизнь

Olga Y. Zvereva
Senior Lecturer, Department of Philosophy, Art Studies and Journalism,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia
e-mail: zvreveaou@bgu.ru

ACT IN THE SYSTEM OF ONTOLOGICAL RECONSTRUCTION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the early work of M.M. Bakhtin «Toward a philosophy of the act». For research, the following is important: Bakhtin's conclusion about the confrontation of the «two worlds» (the world of culture and the world of life), and the idea of gaining the integrity of the worlds by means of ethical systems. Seeing the opportunity of bridging the gap between the world and culture from within the act, M.M. Bakhtin introduces the notion of responsibility and «non-alibi in being». Reconstruction of the category of act through ontological concepts allows us to open new prospects for scientific research.

Keywords: Bakhtin, act, «non-alibi in being», responsibility, life, culture

В настоящей работе предпринимается попытка философского осмысления раннего труда М.М. Бахтина «К философии поступка». Достоверно известно об этом тексте относительно немного: авторское заглавие неизвестно, название дано С.Г. Бочаровым при первой публикации фрагментов текста (в 1986 г. в журнале «Социологические исследования»). Спорным и приблизительным является установление даты написания текста:

Л.А. Гоготишвили озвучивает временной период между 1918 и 1924 гг. [1], А.В. Коровашко ограничивает его 1922 и 1924 гг. Рукопись была обнаружена в декабре 1971 г. в числе архивных материалов, перевезенных из Саранска в Москву. По словам С.Г. Бочарова М.М. Бахтин вспоминал об этих рукописях как о своей «философской антропологии». Текстологическая работа над рукописью началась уже после смерти М.М. Бахтина.

Текст сохранился очень плохо: 15 двойных листов, используется старая орфография, запись карандашная, с пометками М.М. Бахтина, встречаются пропуски слов, описки, слова к тому же часто сокращены. Заслуга по восстановлению текста принадлежит Л.В. Дерюгиной, С.М. Александрову, Г.С. Бернштейну и С.Г. Бочарову. После первой публикации работа по восстановлению спорных мест продолжалась. Наиболее полной и выверенной русскоязычной публикацией на сегодняшний день является текст, изданный в собрании сочинений М.М. Бахтина, подготовленного ИМЛИ РАН, издательства «Русские словари» и «Языки русской культуры» (1997–2012 гг.). Работа «К философии поступка» содержится в первом томе «Философская эстетика 1920-х годов» и снабжена ценными комментариями С.С. Аверинцева и Л.А. Гоготишвили [1].

С.Г. Бочаров упоминает, что, по плану, работа должна была состоять из введения и четырех частей (об архитектонике действительного мира поступка, об этике художественного творчества, об этике политики, о религии), из которых, в свою очередь, сохранилось только введение без начала и первая часть. Незаконченность рукописи, как и степень ее сохранности, порождают многочисленные неоднозначные возможности интерпретации текста.

Представляется важным акцентировать внимание на термине «поступок», вынесенном в заглавие, поскольку он является своеобразной лакуной, то есть понятием, отражающим национально-культурное своеобразие, отсутствующим в других языках. В русскоязычной традиции поступок всегда сопряжен с морально-нравственным аспектом, его никогда нельзя свести просто к физическому действию. Что отражается вариативностью терминологии: «акт», «действие», «поступок». Л.А. Гоготишвили приводит данные текстологического анализа, говоря, что количество употреблений термина поступок «приближается к тремстам». Конечно, М.М. Бахтин использует и синонимы (чаще всего «акт»), тогда «цифра возрастает до 400 употреблений». С.С. Аверинцев в комментариях к «Философии поступка» аргументирует выбор термина таким образом: слово безусловно не характерно для академической среды, в отличие от синонимов «акт», «действие» и принадлежит скорее разговорной лексике русской интеллигенции [1].

Для предлагаемого анализа значимым оказывается установленное М.М. Бахтиным разделение двух сфер бытия «акта-деятельности»: содержательно-смысловой и индивидуально-исторической сферы. Этот раскол фиксируется им при рассмотрении эстетической деятельности. Художник извлекает из «действительного единственного становления» (Бахтин не использует термин

«жизнь» ввиду расхожести и многозначности понятия) образы, и эти образы объективированы, не причастны к становлению. Из них и формируется мир культуры — содержательно-смысловая сфера «акта-деятельности». Индивидуально-историческая сфера создает мир жизни, в котором однажды «акт-деятельность» свершается. Мир жизни — единственный «в котором мы творим, познаем, созерцаем, жили и умираем», это чувственно воспринимаемый мир. При этом миры «абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга», поскольку, как только эстетические образы объективируются, они изымаются из «действительного эстетического становления» и уже не принадлежат ему. Тема разделения мира культуры и жизни, истоки которой уходят в неокантианскую традицию, является значимой для начала XX века. Это обстоятельство отмечают и С.С. Аверинцев, и Л.А. Гоготишвили, и Ю.Н. Давыдов [2].

М.М. Бахтин не просто фиксирует вслед за многочисленными авторами разделение миров, а констатирует возможность преодоления «дурного неслияния культуры и жизни» и рассматривает варианты такого преодоления. Он предлагает нам отделить от целостного поступка его содержательно-смысловую сторону, то есть мысль, понимаемую как общезначимое суждение, для которой не важны ни автор, ни время, ни прочие условия. Индивидуально-историческая характеризует момент свершения поступка как индивидуальный факт, как превращение суждения в ответственный поступок автора.

Почему М.М. Бахтин говорит о поступке как общезначимом суждении или суждении вообще? Здесь мы видим отсылку к работе Г. Риккерта «Предмет познания». Известно классическое понимание процесса познания как процесса представлений, мы соотносим наши представления с бытием. Риккерт предлагает другую трактовку: познание как процесс утверждения или отрицания (так как невозможно сравнивать вещи разного порядка: представление может быть подвергнуто сравнению только с другим представлением, а не с вещью, предметом). Чувственные данные не могут быть ни ложными, ни истинными, ложны или истинны наши суждения. То есть мы утверждаем или отрицаем что-то всегда относительно имманентного объекта — содержания сознания. Таким образом, сущее — это только то, что познано как сущее.

Бахтин критикует эту позицию, замечая, что, разделив смысловую и историческую стороны, мы никогда не обречем единство «события бытия». Оставив категорию долженствования в смысловом поле, в сфере чистого сознания, не получаем выхода из него в реальность. С его точки зрения, только долженствование может обосновать историческую единственность факта, долженствование и возникает только в соотношении с историческим актом, а не существует само по себе.

Оторвав теоретический мир от жизни, от живой историчности, мы, конечно, можем построить систему бытия, но включить туда себя действительного невозможно. В смысловом аспекте, утверждает М.М. Бахтин, нет ни меня, ни ответственности. Поэтому выйти из системы смысла-

содержания в бытие-событие нельзя, возможность эта появляется только в акте-поступке.

Следующим своим шагом автор выдвигает предложение обретения цельности мира жизни и культуры посредством эстетического созерцания. Однако продукт эстетического созерцания также отделен от «действительного акта», не пронцаем для него, как и теоретическое познание. Отдельным элементом эстетического созерцания М.М. Бахтин называет вживание (С.С. Аверинцев проводит аналогию с немецким термином *Einführung* — вчувствование [1]), видение предмета изнутри. Посредством приобщения к эстетическому бытию я становлюсь участником, могу созерцать жизнь, но это жизнь других, это иллюзия. При этом чистого вживания не существует, поскольку, если бы оно имело место, то не могло бы стать моментом моего осознания.

Особенно значимой представляется отсылка М.М. Бахтина к А. Шопенгауэру, его рассмотрению музыки как совершенно особенного вида искусства [3]. Последний утверждает, что музыка могла бы существовать, в отличие от других видов искусств, даже в отсутствии мира. Она абсолютно не зависит от мира явлений. Музыка является объективацией всей воли. Причем в композиторе больше, чем в ком бы то ни было, «человек отделен» от художника. Композитор является выразителем сущности мира, но процесс создания произведения происходит абсолютно бессознательно. Музыка выражает не явление, не событие, а исключительно сущность, вещь в себе, она представляется предельным всеобщим языком, подобно математическим понятиям. Музыкальные абстракции, свободные от предварительного созерцания, существуют априори. Форма выражения же, найденная композитором, не является подражанием существующему миру, а происходит бессознательно от его разума, «из непосредственного познания сущности мира». Это, безусловно, очень красивое утверждение. Неудивительно, что именно эстетический вариант М.М. Бахтина представляется самым близким к жизни, «соблазн» его крайне убедителен и притягателен.

В заключение М.М. Бахтин предлагает вариант обретения цельности мира культуры и жизни через этические системы, для чего вводится понимание различия между формальной и материальной этикой. Материальная основывается на общезначимых нормах, долженствование которых в свою очередь никак не обосновывается. Норма, отмечает М.М. Бахтин, свойственна только праву в форме закона и религии в форме заповеди и отсутствует в теоретическом мышлении. Формальная этика развивается на основе кантианства и утверждении, что долженствование — это прежде всего категория сознания (спорное прочтение И. Канта), которая не может быть выведена из материального содержания. Категорический императив понимается как общезначимый закон, который приписан волей самой себе, то есть это имманентный закон воли. Таким образом, игнорируется моя индивидуальная активность, в действительности же воля «творчески активна

в поступке». Мы остаемся в рамках теоретического мира, не найдя выхода к «живому поступку».

В связи с этим М.М. Бахтин декларирует невозможность фиксации только на содержательно-смысловой стороне и предлагает несколько изменить угол зрения: «необходимо взять поступок... изнутри, в его ответственности... Только изнутри поступка есть подход к единому бытию». Рассмотрение поступка через ответственность позволит учитывать оба плана (смысловой значимости и историчности свершения). Важно, что, если точкой отсчета будет «поступок извне», как только мы начинаем его препарировать как физиологический, биологический или психологический факт, то вся структура нарушается, основой может быть только «поступок изнутри». Можно предположить, что выбор термина (поступок) этим и объясняется: излишняя теоретизация нарушает сам смысл «событийности». В таком случае, в поступке и есть выход из возможности в действительность, в единственное целое — событие.

Следует отметить, что необходимой составляющей поступка (помимо содержательно-смысловой, наглядно-выразительной) является и эмоционально-волевая, характеризующая момент моей активности, живой причастности. Человек существует в плену оценочных суждений, мое отношение не индифферентное, а всегда ценностное. Я утверждаю ценность чего-либо для себя, устанавливая связь между содержанием и «эмоционально-волевым тоном», «переживая переживаемое», приобщая единому бытию-событию.

М.М. Бахтин отрицает возможность такого приобщения «изнутри мира культуры». Ценности, из которых и состоит мир культуры, понимаются в этом случае как самостоятельные категории, существующие независимо от человека. Задача последнего познать их, признать, утвердить для себя, приспособиться к ним. Ценность является изначально данной, человек же должен только признать ее для себя.

Однако для М.М. Бахтина «преодоление неслиянности» возможно только через мой ответственный поступок, изнутри моего поступка. Поэтому для обозначения факта признания именно моей причастности, моего единственного места в бытии вводится термин «не-алиби». Таким образом, акцентируется причастность не абстрактного человека вообще, а конкретного Я. Устанавливая значимость Я, М.М. Бахтин отрицает возможность существования общезначимых ценностей. Ценность для него всегда определяется в соотношении с человеком, с его единственной причастностью. Признание ценности Другим, для Другого не определяет ее для Я, как и наличие некоего списка ценностей не делает их таковыми для меня.

Мы признаем наличие двух (как минимум) ценностных контекста: бесконечный мир в целом и моя маленькая личная жизнь. Пафос моей маленькой жизни, моего не-алиби состоит в расширении контекста признанных мною ценностей. У М.М. Бахтина есть красивая аналогия: договор без подписи — это возможность, договор подписанный — признание

моей ответственности, моего не-алиби. Через подпись Я декларирует свое место, утверждение ценности для себя. Свою жизнь мы приобщаем к возможному теоретическому контексту, осмысляя ее как «маленький клочок пространства и времени большого пространственного и временного целого».

Я не могу рассматривать поступок в целом, мыслить его как целое, я к нему «причастен персонально», значит и ответственность моя имеет индивидуальный характер.

Несмотря на то, что статья лишь в первом приближении дает постановку вопросов, очерчивая круг проблем и требуя дальнейшего, более тщательного осмысления, вслед за М.М. Бахтиным затронем тему поступка как эстетической деятельности. Эстетическую деятельность как поступочную реальность необходимо анализировать не изнутри продукта, а с точки зрения ответственно причастного автора. Единством эстетического не является смысловое нечто, оно расположено вокруг ценностного центра, которым является человек.

Посмотрим на эстетическую деятельность через призму музыки. Для прояснения сущностного понимания музыки обратимся к идеям А.Ф. Лосева, представившем наиболее полную картину философии музыки в русскоязычной традиции. Как М.М. Бахтин предлагает не ограничивать поступок физиологическим, биологическим или психологическим фактом, так Лосев пишет о лже-музыкальных феноменах. К ним он относит физические, физиологические и психологические основания. Физические основания представляются в виде колебаний воздушных волн, что делает музыку возможным как явление, но не дает представления о ее подлинном феномене. Физиологические процессы, возникающие в результате воздействия звуковых волн на нервную систему человека, абсолютно необходимы, но они также не характеризуют истинное бытие музыки, как и психологические аспекты восприятия. Несмотря на то, что музыка безусловно зависит от законов физики, физиологии и психологии, «причинно и реально невозможна без них» [4, с. 16], сами по себе эти законы не определяют смысл музыки, «ее подлинный явленный лик» [4, с. 4].

Для решения этой проблемы Лосев вводит термин «музыкальное бытие» и наделяет чистое музыкальное бытие следующими характеристиками: оно предельно бесформенное и хаотичное, оно является «подвижным единством в слитности, текучей цельностью во множестве» [4, с. 30]. Чистое музыкальное бытие в характеристике А.Ф. Лосева существует вне пространства, являясь с этой точки зрения абсолютной пустотой, то есть бесконечной возможностью, и вне любого оформления, в отличие от искусства. Следующей характеристикой бытия фиксируется перманентное движение, изменчивость, множественность, причем эта множественность существует в единстве, слитности. Музыкальное бытие в данном контексте понимается как беспредметное, неоформленное, «чистое в-себе-бытие», «лик его — в близости, во вселикости» [4, с. 40].

От музыкального бытия следует отличать музыкальное произведение, которое всегда структурировано, у него всегда есть автор. Здесь интересно понимание значимости, причастности, ответственности автора. Например, Кант постулирует, что гений — талант, который дает искусству правила. Искусство само не может измыслить из себя правило. Но без предшествующего правила произведение никогда не может быть названо таковым, то есть произведением искусства [5, с. 148]. О. Шпенглер утверждал, что правила фуги также априорны, как формы созерцания и категории рассудка И. Канта [6, с. 297].

Отдельный интерес представляет понимание времени и пространства, хронотопа в музыке, однако, это не является предметом данной работы. Оставим также открытым вопрос о роли слушателя и исполнителя.

В заключение лишь отметим, что мозаичность и незавершенность текста М.М. Бахтина представляет огромный простор для исследователя, позволяя реализовывать модели понимания поступочной реальности, вызывая к жизни все новые и новые интерпретации творчества М.М. Бахтина.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов / М.М. Бахтин. — М. : Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. — 957 с. — URL : https://royallib.com/read/bahtin_mihail/tom_1_filosofskaya_estetika_1920_h_godov.html#0 (дата обращения: 31.05.2020)
2. Давыдов Ю. Н. Трагедия культуры и ответственность индивида (Г. Зиммель и М. Бахтин) / Ю. Н. Давыдов // Вопросы литературы. — 1997. — № 4. — С. 91–125.
3. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. — URL: <http://psylib.org.ua/books/shope01/index.htm> (дата обращения: 31.05.2020)
4. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики / А. Ф. Лосев. — М, 1927. — 388 с.
5. Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5 Критика способности суждения / И. Кант. — М. : «ЧОРО», 1994. — 414 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. — Новосибирск : ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. — 592 с.

